

Юрий Егоров

Юрий Николаевич Егоров родился в 1960 году. Доктор экономических наук, профессор.

Автор публикаций в журналах «Грани», «Новая литература», «Балтика», «Северо-Муйские огни», «Петровский мост» и др.

Финалист национальной литературной премии «Писатель года» (2017–2021). Лауреат III международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (2018). Победитель международного литературного конкурса «Петроглиф» (2021). Лауреат литературной премии «Наследие» (2022).

Проживает в Московской области.

Волшебники

1

– Этого срочно в операционную! – на лету скомандовала врач, показав на парня.

– Но тут ещё девочка. Тоже без сознания, – возразил дежурный медик.

– Сначала парня. Совсем плох. Минут двадцать продержится, не больше. Девочку готовьте следом. Времени в обрез.

И в этот момент он пришёл в себя.

– Смотрите, глаза открыл, – дежурный за рукав остановил врача.

– Невозможно! Тогда всё же девочку вперёд, – мгновенно изменила решение доктор и, повернувшись к молодой медсестре, распорядилась: – За этим следите. Весь полумантый. Никуда не отходить!

Парень открыл рот, словно пытался что-то сказать, но лишь глотал воздух. Из-под повязки на голове потекла тоненькая струйка крови.

– Потерпи немножко. Тебе лучше не напрягаться, – посоветовала медсестра.

«Добрая девушка, и голос у неё нежный», – подметил про себя парень.

– Скоро врач освободится и сразу возьмётся за тебя. Она отличный специалист, не таких поднимала. Настоящая волшебница. Сейчас я тебе помогу.

Медсестра поднесла ватку к его лицу, но тут кровотечение остановилось и взгляд пациента стал осмысленным. Некоторое время он повертел глазами, дыхание успокоилось.

– Мне лучше, – неожиданно вполне внятно произнёс он.

От удивления медсестра потеряла равновесие, так что едва не повалилась на пол.

«Ну да, конечно, – он вспомнил, как на маршрутку, в которой ехал, налетел огромный рефрижератор. – О какой девочке они говорили? Да, там сидела за мной, смешливая такая, школьница. Всю дорогу болтала глупости по смартфону... Как только нас не расплющило этой махиной? Надо же, так глупо попасть в историю... Незаметно ускользнуть теперь не получится...»

В это время скрипнула дверь.

– Спрашивает, как парень. Девочка совсем никакая, селезёнка в клочья. Не выживет, жалко, – это кто-то из коридора заглянул в палату.

– Он пришёл в себя и заговорил, – ответила медсестра голосу.

– Не может быть! Тебе показалось. Он же труп.

– Не беспокойтесь, жив я, – ответил парень уверенно. – Девочкой занимайтесь, я потерплю.

– Ну что, слышал? А говоришь, мне показалось.

Дверь хлопнула.

«Ладно, – сказал он про себя, – сейчас поправлюсь, соберусь и помогу им с девочкой, лишь бы ещё немножко продержалась. Сделаем ей селезёнку... Дайте только удобней лечь. Спина затекла».

Повернув голову, парень осмотрелся вокруг своей каталки.

– Ты смотри, он ещё подняться хочет! – закричала медсестра.

– Да не ори ты, глупая! Голова раскалывается. Лучше принеси воды попить.

– Нельзя тебе ничего.

– Конечно, можно. Или сейчас сам встану!

Девушка мигом выскочила в коридор.

«Хорошо... Мне уже лучше... Ну вот, малышка, принимаюсь за тебя... Где эта чёртова медсестра?»

Потом закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться...

2

Едва закончив работу, он на минутку задремал.

– Что, дождался, друг? Теперь твоя очередь! – привёл его в чувство бодрый голос врача. – После такой сложной операции мне кажется, что я сейчас горы сверну. Из ничего девочке собрали селезёнку... Да ты, дружок, в сознании?!

– Екатерина Николаевна, он встать хотел и не успокоился, пока я не принесла воды.

Женщина-врач грозно посмотрела на медсестру.

– Я же предупреждала.

– Это правда, доктор, я в порядке, – спокойно произнёс он. – Мне тут холодно под простынёй. Боюсь заболеть, ноги окоченели.

– О чём он говорит? Подождите... – врач, осторожно снимая бинты, принялась внимательно осматривать пациента. – Ничего не понимаю. Три часа назад... А где же?

– Китти... – Он слегка улыбнулся.

Доктора словно током ударило. На минуту ей показалось, что она находится в нереальном мире.

«Сначала девочка, теперь этот парень, а ещё... Как он её назвал?»

– Мы знакомы? – Она ничего не понимала.

– Конечно, нет.

Эти его слова и интонация лишь усилили подозрения.

– Вы уверены?

– Конечно, да.

Что-то очень подозрительным показалось ей в происходящем. Но совершенно точно, этого парня она видела впервые в жизни.

– Может, учитесь с моей дочерью?

Он отрицательно покачал головой.

– А это откуда у вас? – внимание врача привлекло необычное тату.

– Когда-то матросом плавал на остров Пасхи. Там сделал.

– День понаблюдаем за вами и, если всё нормально, выпишем из клиники, – врач вынесла вердикт и быстро покинула палату.

– Вероятно, ей около пятидесяти. Всё такая же красивая. Даже лучше! Замужем, воспитывает дочь... Это я о своём, – объяснил он медсестре. – Принеси что-нибудь надеть и горячего чая. Чувствую, простужусь у вас!

3

Он хорошо это помнил.

Тот последний свой вечер они проводили в «маргаиновой» кафешке. Только что принесли заварные пирожные и кофе.

– Откуда у тебя такое тату? Необычное, – она провела пальцем по его руке.

– Это ронго-ронго. Когда-то давно матросом плавал на остров Пасхи.

– Давно? Ребёнком, что ли?! И сделал себе тату!

– Да как сказать. Ну, может не так давно. Ты меня не слушаешь, а я тебе рассказываю, что они с давних времён здесь, на Земле. Может, даже всегда, потому что не люди. Или не совсем люди. Я знал волшебника, который мог превращаться в цветок. Они, конечно, не боги – их власть не безгранична. И, главное – волшебники смертны, хотя и живут намного дольше, чем обычный человек. Двести или триста лет – для магов не возраст. Они творят чудеса и управляют нашей жизнью.

– Ты так говоришь, как будто сам один из них.

– Да, конечно.

– Нет, не верю. Настоящие волшебники – это мы, врачи,
– Катя элегантно стряхнула пепел с тоненькой сигареты.

– Хорошо, что так, а то я подумал, что ты совсем в чуде-
деса не веришь.

– До вчерашнего дня не верила. Пока удивительным об-
разом не сдала экзамен по эмбриологии. Сама не понимаю,
как это получилось. Вытащила билет с этими проклятыми
фибриллами...

– Я в этом ничего не понимаю. Но, может, тебе кто-то
помог?

– Там рядом не было никого, кто бы подсказал. Пред-
ставляешь, я даже не помню своего ответа. А в зачётке –
«отлично»! Просто невероятное везение!

– Может быть, преподаватель чего-то от тебя хотел?

– Шутишь?! А почему ты не рассказываешь, где сам
учишься? – ей очень хотелось узнать о нём подробней.

– Я уже получил образование и работаю. Всё время го-
ворю тебе об этом. Вот, смотри! – он показал ей ладонь.
Потом на мгновенье её закрыл, а когда разжал, в ней оказа-
лась необычная янтарная брошка в виде жука с поднятыми
крылышками.

– Красивая. Я знаю, ты умеешь делать фокусы.

– Хочешь, полетит?

Жук замахал крылышками и поднялся в воздух.

– Сейчас все сбегутся на твоё представление, – испуга-
лась она.

– На нас никто не обращает внимания.

– Признайся, учишься в цирковом?

– Хорошо, пусть будет цирковое училище. Чтобы ты
успокоилась.

– Не врешь?

– Нет, конечно! Я просто показал фокус, а тот, что ле-
тает вокруг нас, – механическая игрушка. Держи подарок,
коллега, – он поймал жука и положил ей в руку.

– Циркач и врач – какие мы коллеги?!

– Ты же сказала, что врачи умеют делать чудеса.

– У нас они совсем другие. Хотя тоже рукотворные и для них требуется не меньше точности и терпения. Ошибаться никак нельзя. А ты интересно рассказывал про волшебников, можно подумать, что сказочник. Может, книги пишешь?

– Пусть будет так! Слушай дальше, раз тебе понравилось. Вот жила одна волшебница, яркая и чувственная. Училась на медицинском, любила «Роллинг Стоунз». Звали её Китти.

– Это только ты меня так зовёшь. Хорошо, продолжай!

– Хотела стать классным хирургом.

– И любила циркача! Мечтала выйти за него замуж и родить ребёнка. Обязательно – девочку.

– Понимаешь, у волшебников с этим не всё так просто. Точнее – вообще никак.

– Они не могут иметь детей?

– У них серьёзные проблемы с фибриллами!

– Ты знаешь, что это такое?! – рассмеялась она.

– Да, конечно!

– Опять врёшь!

– Ладно, постараюсь объяснить. Они не могут заводить семью. Таков их кодекс. Своего рода клятва Гиппократа для волшебников.

– А по-моему, они просто вруны! Ты меня бросишь?

– Разве не ты у нас волшебница? Произнесёшь заклинание, поманипулируешь магическими нейрохирургическими инструментами – и сотрёшь мою память, чтобы я не мучился и не тосковал, раз у нас не получится нормальной семьи.

– И ты всё забудешь?

– Увы.

– Неужели совсем ничего не будешь помнить?

– Ты же сама лишишь меня памяти.

- Я постараюсь немножко оставить.
- Так нельзя. Клятву Гиппократа никому не дано нарушать – ни врачам, ни волшебникам.
- Я бы нарушила... Вероятно, кто-то другой из нас волшебник.
- Кто-то другой у нас фокусник и сказочник!
- Да, конечно! – согласилась Китти...

Эпилог

Он даже не видел этой школьницы-болтушки. Главное, что девочка пошла на поправку. А самого парня к вечеру следующего дня выписали. С Китти он больше не встречался – осматривал его дежурный врач. Для отвода глаз парень долго благодарил за своевременную заботу, за то, что так быстро поправился. Ещё сказал, что Екатерина Николаевна – чудесный хирург и вообще настоящая волшебница. Врач вроде бы поверил.

Добрая медсестра при этом осторожно улыбалась.

- Разве что-то не так? – спросил он её напоследок.
- Конечно, вы правы. Я тоже считаю: без волшебства здесь не обошлось!

Про волшебника

Случилось это в поезде Тобольск – Москва. Когда сиделся, миловидная проводница посмотрела на меня как-то странно, словно оценивала.

– Четвёртое купе, – предупредила она.

Там оказалась женщина с тяжелобольным ребенком. Я и не представлял, что такое может быть. В обычной жизни мы всего этого не видим. А тут: страх, боль, безнадежность.

Крепкий парень в трениках вырос передо мной из ниоткуда.

– Твоя – верхняя полка, – подтвердил он.

Похож на уголовника: землистого цвета кожа, с большой татуировкой на плече.

– Я пью, – глядя в упор, честно признался он.

– А я совсем не пью, – отвечаю. Про себя думаю: «Попал! Больной ребёнок и уголовник. “Отличная” компания».

– Ты меня полицаям не сдашь? – заволновался попутчик.

– Если будешь приставать.

Пока устраивался, женщина оставила купе.

– Вот такая история. Видишь, какой... Мишей зовут. А меня – Димой.

В ответ и я назвался. Замечаю, что не такой он страшный, как показалось сперва. Лицо грубое, но простодушное. Такой русский папуас.

– А как супругу зовут? – интересуюсь.

И тут появляется женщина.

– Лена, он решил, что ты моя жена! – «Уголовник» подмигнул нашей соседке.

– Не дай Бог! – ответила женщина.

Они стали препираться как близкие люди.

– Разыгрывают, что ли? – засомневался я. – Может, брат и сестра? Только внешне совсем не похожи.

Устроившись на полке, я стал осторожно рассматривать ребёнка. Неподвижно лежит внизу, напротив меня. Совсем маленький, года три, не больше. Видно, что не разговаривает, только глазки живые.

– Сколько Мише? – интересуюсь у матери.

– Десять.

В этом возрасте мальчишки сломя голову в футбол гоняют, а этот несчастный лежит как маленькое корявое деревце, полностью обездвиженный. Весь изогнутый со-

вершенно неправильно, вывернутые наизнанку тоненькие косточки рук и ног обтягивает бледная кожа.

– Я при ребёнке не могу, – объясняет Дима и, достав из-под стола бутылку водки, покинул купе.

Следом вышла Лена. Я отвёл от мальчика взгляд. Вид не для слабонервных. Надо же, оставила со мной. А он лежит тихо, голоса не подаст.

Первым вернулся Дима, повеселевший от алкоголя.

– Куда едешь? – спросил он.

– В Москву.

– Значит, всю дорогу вместе, а они, – кивнул в сторону Миши, – выйдут в Глазове. Хорошая женщина. Другая бы бросила. Кем работаешь?

– Слушай, Дима, зачем тебе знать, кем я работаю?

– Для разговора.

– Ты обещал, что будешь вести себя тихо.

– А я что? Спросить нельзя?

Тут в купе вошла Лена со стаканом кипятка.

– Тогда я с тобой поговорю, – Дима переключается на женщину.

– Ты мне с Сургута надоел. Не хватит водки?

– Могу и не пить. Как-то по молодости завязал. Подружка в отместку разбавила водку керосином, а я махнул залпом полстакана. После этого на спирт год не мог смотреть.

– Так и бросил бы совсем. Зачем снова принялся?

– А что остаётся? У меня никого нет. Жена бросила, дочь не хочет общаться... Вот у тебя муж, ребёнок.

– Я не замужем. Просто живу с парнем. Муж оставил нас, когда это случилось. А ты бы не ушёл?

Кивнув, Дима согласился.

– Но потом бы вернулся. Нет, точно, – стал уверять он, – к тебе бы обязательно. И Мишка хороший. Просто сразу тяжело принять это. Вот у меня жизнь не складывается.

Четыре года получил по глупости. Прошлым летом вышел. Всё из-за того, что двое напарников сгорели на работе, а я как старший отвечал. И помочь ничем не мог. Знаете, как это у нас... Ничего не соблюдается и всем наплевать... Сейчас вахтовиком работаю.

– Вот посмотришь на тебя – вроде бы здоровый парень, а в действительности – слабак, – усмехнулась Лена.

– Зато ты сильная. Парню твоему повезло. Сам бы на тебе женился. Может, согласишься?

Тут и я встрял и осторожно расспросил попутчицу, так, чтобы сильно не задеть. Молчать действительно глупо и хочется посочувствовать, поддержать, но не обидеть и не ковырять рану... В общем, печально всё с Мишей. Конечно, мать надеется на лучшее, но не скажешь, что сильно верит.

А Дима начал нас угощать. У него не только водка, но и целая сумка продуктов оказалась. Полакомились купленным в сургутской кулинарии.

Смотрю, а Миша одним глазом на меня косит. Потом прячется за свою искривлённую ручку. И снова выглядывает.

– Это игра у тебя такая! – догадался я. – Прятки называется.

Так мы подружились. Конечно, смотреть на несчастного ребёнка без слёз невозможно, привыкнуть нельзя. Но ведь он – живой человек. Вот нам повезло родиться здоровыми, а ему – нет. Не суждено в жизни познать счастья. Только бесконечные муки.

«Дима честно признался, – согласился я про себя. – Я бы тоже не смог. Муж Лены, вероятно, негодяй был, но не мне его упрекать».

А глазки у мальчишки красивые. И ресницы густые и длинные. Видно, что лицом похож на маму. Милый, только худой и бледный.

– Операция у нас через месяц по квоте. Ждём очереди, – объяснила Лена.

– Миша со мной играет, глазками. Вот, смотри, сейчас спрятался. А потом снова выглянет.

– Он это любит. Проказник. Сейчас поставлю музыку, тогда совсем развеселится!

Мне это представить тяжело. Какая может быть радость в его положении?

– Я ещё, – решает продолжить Дима и снова достаёт бутылку.

– Тебе не хватит? – Лена недовольна.

– Нам надо слушаться, – подтверждаю я. – Она в купе – хозяйка. Единственная женщина.

Дима машет рукой и выходит в коридор. Лена собирает оставшиеся продукты, а мы с Мишей продолжаем игру в прятки. Выглянул, посмотрел и опять спрятался...

Пока ехали, всё небо заволочло и на подъезде к Тюмени пошёл ливень.

Вот и за Диму обидно. Ему хорошо за тридцать, а живёт неприкаянный.

– Да были у него женщины, но он пьёт. С собой справиться не может, – объясняет Лена.

– Просто своей не нашёл. Что ни говори, парень справный.

– Значит, устроится. Женщин много одиноких. Когда муж нас оставил, мне тоже сильно тяжело было... Руки на себя наложить пыталась. Потом привыкла к беде и нашла... До сих пор счастью своему не верю. Говорят, такого не бывает. Получается, бывает. Любит. Замуж зовёт, и родня его согласна. Удивительные люди. Только боюсь. Вдруг оборвётся. Как с Мишей. Он до двух лет нормальный был... А потом... Как ещё можно при таких проблемах? Но рук не опустили. Вот мой занялся бизнесом, так мы поднялись. Чудо, не иначе... У других в нынешних условиях рушится, а мы – ничего... Вот я говорю, Димка – здоровый, зарабатывает хорошо. Если пить бросит, то всё у него сложится.

Миша лежал с открытыми глазами. Казалось, внимательно слушал. Только что он понимает?

На подъезде к Тюмени поезд стал замедлять ход.

– Хотела выйти на платформу погулять перед сном, только льёт как из ведра, – расстроилась Лена.

Но пока состав тормозил, дождь неожиданно закончился. Мальчика решили оставить на Диму.

Бывает же такое! Вышли из вагона, а небо над станцией совершенно чистое. Кругом тучи, а тут звёзды горят. Что значит континентальный климат! У нас часто всё быстро меняется.

Ночь прошла спокойно. Другие здоровые дети капризничают. Их можно понять: новая обстановка, в старом поезде всё гроыхает. Малышам непривычно, страшно. А Миша – терпеливый. Мужественный мальчик!

Следующее утро Дима отсыпался. Ехали спокойно.

Началось после обеда. Сначала Миша сосал свою соску с молочной смесью. Потом заплакал. Совсем тихо, без слёз, как дверца скрипит. Совсем не похоже на обычный детский плач. Лицо мальчика исказила жуткая гримаса.

– Может, лежит неудобно? – предположил я.

– Лекарство заканчивается. Его на три дня хватает, а чаще давать нельзя, – объяснила Лена.

Втроём мы успокаивали Мишу как могли. Я предлагал снова поиграть в глазки, неуверенный, что мальчик меня понимает. Вдруг Дима (как только ему в голову пришло!) стал рассказывать сказку.

«Жил в одном большом городе волшебник и делал всех людей счастливыми. И не было в том городе больных деток. Узнает, что где-то ребёночек заболел, приходит и начинает колдовать: “Хрюндель-мюндель, выздоравливай, малыш!” И болезнь уходит прочь за горы-косогоры. Детки радуются. Всем хорошо! Вот и к тебе скоро придёт волшебник. Придёт, обнимет тебя – и ты поправишься. Волшебник всё

может, даже самое невозможное, потому что противостоять несправедливости может только очень сильный человек. А ты встанешь на ножки, бегать будешь, в футбол гонять. Это так здорово! Представляешь, носишься с мячом по полю! И никогда больше не будешь болеть!»

Миша успокоился и заснул...

– Ты сам всё это выдумал? – спросила Лена вахтовика-сказочника.

– А что? Надо было как-то успокоить, – оправдался Дима.

– Спасибо, что помог. Знаете, я ведь сама однажды с волшебством столкнулась. Гуляла с Мишей и увидела, как внезапно загорелся трамвай. Люди кричали, не могли выбраться. Видимо, двери заклинило. И вдруг совершенно неожиданно огонь погас. Двери открылись.

– Может, ветер подул или корпус несгораемый? Никакое это не волшебство. Пойду за пивом, – решил Дима. – Подъезжаем к Перми. Целый час стоять.

Вечером доехали до Глазова. Там они сошли. Лена долго одевала сынишку. На станции встретил муж. Купе сразу опустело.

Вахтовик достал недопитую бутылку пива. Наполнил стакан. И тут случилось невероятное: от глотка он поперхнулся.

– Как такое возможно? – Дима отплёвывался, словно отравился.

– Что случилось? – поинтересовался я.

– Это что, твои шуточки?

– Не понимаю.

– Здесь – керосин! – Дима показал на стакан.

– Я не чувствую его запаха.

– Тогда попробуй!

Я немножко отпил. Обычное пиво.

После этого Дима. Снова – керосин.

– А если всё из-за нервов? Я слышал, что такое бывает. Ты сам про керосин рассказывал, – я попытался найти какое-то объяснение.

– Что, если водку попробовать?

– У меня есть коньяк.

– Говорил, что не пьёшь. Доставай.

И снова для Димы получился керосин.

– Что же мне делать? – расстроился вахтовик.

– Это значит, что пить бросишь. Кто рассказывал про волшебника? Тебе часом никто не говорил: «Хрюндель-мюндель»? Ещё Лене не верил, что волшебство случается. А тут самое настоящее!

– Не понимаю.

– А что тут понимать?! Радуйся! Ты парень что надо. Добрый, сказки сочиняешь! Теперь трезвенник! Женишься, если, конечно, не приноровишься керосин глотать вместо водки.

Проводница заглянула за стаканчиками.

– А у меня цветочек зацвёл. Красивый. Сухой стоял, думала выбросить, – и убежала.

– Заметил, как она на тебя посмотрела? – Я легонько толкнул Диму.

– Да ладно...

– Точно говорю. Девочка симпатичная...

С Димой мы вышли в Москве. Я направился в сторону кольцевой, а он – на Ярославский, покупать билеты до своего Котласа. Так расстались. Хочется думать, что всё у него в жизни наладится.

Через месяц у Миши операция. Хорошо бы поправился... Жаль, что я не волшебник, а то бы в доску расстарался ради такого случая. Но верю, он справится сам. Потому что сильный.

Ещё запомнил взгляд Миши, когда прощались на станции в Глазове. Глаза мальчика улыбались...